Леся
ГЛИНСКАЯ
Очень
ГОРЯЧО!
ИЗМЕНА:
Дочь подруги
КНИГА ОТКРОВЕНИЙ

Леся Глинская

Измена: Дочь подруги. Книга откровений

«Автор»

2026

Глинская Л.

Измена: Дочь подруги. Книга откровений / Л. Глинская — «Автор», 2026

– Подожди Сейчас – звякает пряжка ремня, и сердце мое проваливается вниз, в пустоту.– Что ты делаешь? – хрипло, сдавленно спрашивает Саша.Он звучит чужим. Незнакомым. Не моим.– Я делаю тебе хорошо, – мурлычет Арина с подчеркнутым превосходством. – Делаю то, чего никогда не делала онаЯ больше не могу терпеть. Резко шагаю вперед, толкаю незапертую дверь и мгновенно об этом жалею.

© Глинская Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 16
Глава 7 19
Глава 8 21
Глава 9 24
Глава 10 26
Глава 11 29
Глава 12 32
Глава 13 34
Глава 14 37
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Измена: Дочь подруги. Книга откровений

Глава 1

Я слышу их голоса…

Не вижу, но слышу каждое слово, каждый вздох и шорох. Я словно парализована, тело отказывается двигаться. Не могу поверить в происходящее, оно кажется слишком нелепым, абсурдным, ненастоящим… Может, это сон? Просто кошмар, из которого скоро проснусь… Иллюзия? Мираж?

– Так тебе нравится? – сладко, с нарочитой нежностью тянет Арина.

Ответа нет. Лишь тяжелое дыхание мужа, его низкий стон, от которого мне становится тошно. Я сжимаю пальцы до боли, впиваясь ногтями в ладони, чтобы хоть как-то убедиться: я не сплю…

– Подожди… Сейчас… – звякает пряжка ремня, и сердце мое проваливается вниз, в пустоту.

– Что ты делаешь? – хрипло, сдавленно спрашивает Саша.

Он звучит чужим. Незнакомым. Не моим. И от этого я вдруг чувствую себя беспомощной и ненужной, словно ребенок, которого бросили одного в темноте.

– Я делаю тебе хорошо, – мурлычет Арина с подчеркнутым превосходством. – Делаю то, чего никогда не делала она…

Я больше не могу терпеть. Внутри вспыхивает ярость, смешанная с отчаянием. Я резко шагаю вперед, толкаю незапертую дверь… и мгновенно об этом жалею.

Саша стоит, запрокинув голову к потолку, закрыв глаза… Перед ним, на коленях, самодовольно и почти профессионально движется Арина.

Его пальцы сжимаются в ее волосах, она шумно изображает удовольствие, подыгрывая и ему, и себе…

Я замираю, забывая, как дышать.

Они не видят меня. Им не до меня.

– Так? – на секунду она отрывается, и я вижу ее лицо, самодовольное, бесстыжее, с мазками моей помады на губах…

– Умница! – сипло, с наслаждением отвечает Саша.

– Еще? – сладко дразнит его эта маленькая дрянь, и я вижу, как он кивает, жадно хватая ртом воздух.

– Да… – приказывает он не своим голосом.

Он никогда так не говорил со мной…

Арина послушно, словно опытная актриса, выполняет команду. Саша резко дергается навстречу ей, и я чувствую, что сейчас меня вырвет. Ком подкатывает к горлу.

– Да! – выкрикивает он, его голос ломается от удовольствия.

Арина медленно поднимается, ведет руками по его торсу вверх, оставляя на теле невидимые следы своей власти. Она подставляет губы, и мой муж без колебаний целует ее…

– Зачем ты взяла ее помаду? – вдруг спрашивает он, чуть отстраняясь.

Я отступаю назад, дышать становится совсем невозможно. Арина тихо смеется, в ее голосе презрение ко мне и уверенность в себе:

– Захотела! Мне этот цвет идет гораздо больше, – произносит она победоносно и, не скрываясь, целует его рубашку, плечо, шею, оставляя алые пятна на его коже. – Да и… если она найдет следы, то ничего не заподозрит! Это же ее помада, – хохочет она над собственной хитростью, – ей кажется, что ее, а на самом деле уже моя…

Последняя фраза – словно удар в лицо.

– Как и ты, – завершает Арина, ласково скользя губами по его щеке. – Здесь скоро все будет моим…

***

– Ну как вам? – спрашиваю бодрым голосом, оглядывая сидящих за столом.

Со мною завтракают мой муж Паша и Карина!

Почти племянница. Дочь близкой подруги. Живет у меня временно. Второй курс и проблемы с общежитием. А я только рада! Обожаю эту девчушку! К тому же сразу появилась куча новых поводов поболтать с подругой…

– Ну? – откладываю планшет с текстом. – Чего же вы молчите? – спрашиваю почти обиженно. – Я вам принесла начало своего романа, а вы…

– Вер, – откашливается мой муж.

Мой странно побледневший муж.

– Ты же знаешь, что я совсем не ценитель подобных историй… – он прячет взгляд в чашке с кофе. – Написано эмоционально, – кривится он.

Ставит чашку на блюдце, и она предательски звякает. Так, будто его руки дрожат.

– Персонажи странные! – выпаливает Каринка, сверля меня взглядом.

– А в чем же странность? – вскидываю брови.

– Почему это вы девочку так опускаете? – с вызовом спрашивает она. – Профессионалка, дрянь… Кто она там еще у вас… Может, – Карина задирает подбородок, – она просто влюбилась!

– Так, мне пора! – вскакивает Пашка, чуть не опрокидывая стул.

– Я провожу тебя, дорогой! – медленно встаю из-за стола, но…

Каринка гораздо быстрее меня выпархивает в коридор.

– Ваш портфель, дядь Паш, – подает она ему кожаный кейс, невинно хлопая ресницами.

– А! Да! Спасибо! – словно смутившись, кивает он и шагает к двери, не поцеловав меня.

– Ну, – отмахивается. – Давайте, до вечера!

И тянется к Карине.

Берет из ее рук портфель. Берет его, мимолетно касаясь ее руки…

Дверь захлопывается…

В прихожей повисает тяжелая тишина.

– Тебе ко скольки на занятия? – задаю, в общем-то, будничный вопрос я.

– Сегодня к третьей паре и до самого вечера! – воркует мелодично, глядя мне прямо в глаза. – У нас лабораторная, преподаватель сказал, что будем работать до самого конца!

Хихикает и закатывает глаза к потолку.

– Ну что ж! – улыбаюсь, поддерживая эту пошленькую игру слов. – Надеюсь, что этот самый конец будет эффектным!

Каринка мелодично хохочет и скрывается в ванной.

Она там проводит столько времени, что мне иногда становится страшно, не утонула ли…

Эгоистичная, как все дети…

Крутится перед зеркалом, часами болтает с подругами, гуляет до полуночи…

Я, у которой никогда не было дочери, была к этому не совсем готова…

Но…

Элька, ее мать, меня успокаивала: *“Она же, по сути, еще безбашенный ребенок!”*

И тут у меня пиликает телефон.

Открываю мессенджер, смотрю сообщение.

Это от Паши.

“Забыл сказать, аврал на работе, вечером не жди!”

А вот вам и эффектный конец…

.

Глава 2

Я медленно возвращаюсь за обеденный стол, беру в руки планшет…

Я их не обманула – это действительно начало моего нового романа.

Что-то из серии “Очень горячо”. Побольше эффектных постельных сцен, страстей на грани приличия и обязательно раздирающее душу предательство…

Видит бог, я никогда не мечтала стать героиней такой истории. Мне всегда казалось, что в жизни должна быть справедливость, что все сестры должны получить именно свои серьги…

А я… Я же всегда была правильной женой… Поддерживающей, вдохновляющей… Я старалась ради мужа, ради семьи… Жарила картошку, ожидая его бесконечными вечерами, и утешала, что у него обязательно получится… Обязательно!

Только квартира все также оставалась съемной, из ванной я никак не могла вывести плесень, а очередной Пашкин “гениальный проект” привычно проваливался…

И тогда я стала писать…

Нет, не сразу… Филолог по образованию, я начала с корректуры. Исправляла ошибки в чужих работах. Морщилась, читая эти примитивные тексты, и в качестве противоядия брала с собой на ночь Сартра…

А потом… В один из вечеров, когда мой муж как обычно где-то пропадал, я отложила в сторону чужую рукопись и начала представлять, а как бы в ситуации главной героини поступила я…

Мои представления кардинально отличались от представлений автора, заказавшего мне работу. Я была уверена, что напишу не плоско, не примитивно, не шаблонно!

Поэтому, едва сдав рукопись, я открыла свой ноутбук, создала новый файл и…

Это был полный провал.

Книгу прочли, кажется, восемь человек.

Но это был первый шаг на трудном пути автора.

Понять законы жанра, научиться чувствовать предпочтения публики. Шаг за шагом я поняла, как заставить читателя почувствовать боль, страсть, интригу. Я научилась балансировать на тонкой грани между простотой текста для широкой публики и глубиной описаний, которой требовала моя гордость филолога.

Я смогла.

Не сразу, но смогла.

Вот только теперь, кажется, у меня есть шанс пройти этот путь заново. Попробовать себя в новом амплуа.

Откладываю планшет, поднимаю чашку с уже остывшим, но все еще приятным кофе…

В этом романе горячим будет не только предательство, но и возмездие!

Сладкое, терпкое, справедливое…

Улыбка сама собой трогает уголки губ.

О да! Это будет нечто. То, чего в этом жанре еще не было.

И тут, как и в жизни – или пан, или пропал! Или я стану законодательницей моды и основательницей нового жанра, или…

Или в этом месяце мой благоверный не полетит со мной на Мальдивы…

Да, именно так.

Все почему-то считают, что в нашей паре деньги зарабатывает именно он. А я вальяжно сижу на шее мужа, красиво хлопая ресницами.

Я не спорю.

Во-первых, мне хочется, чтобы Пашка хотя бы на людях чувствовал себя мужиком и добытчиком, а во-вторых… меньше знают – крепче спят.

Все.

Даже самые близкие.

Вот и строю образ слегка фривольной, богемной дамочки, делающей вид, что занимается чем-то несерьезным и легкомысленным. Этакой ленивой, но милой бездельницы с идеальным маникюром и безупречным вкусом…

И, судя по отношению Карины, мне это удается.

Дверь ванной хлопает, в дверном проеме мелькает силуэт. Дочь подруги выходит в коридор, демонстративно стряхивая с волос капли воды. Ее молодое тело облачено в роскошное, слишком роскошное для студентки нижнее белье. Она бросает на меня короткий взгляд – насмешливый, вызывающий…

Я делаю еще один глоток кофе и чувствую, как во мне просыпается настоящая хищница.

Видит бог, эту игру начала не я.

Но мне самое время сделать свой ход!

.

Глава 3

Мой день расписан по минутам.

Существует заблуждение, что те, кто работают из дома, никогда не ходят на работу… О нет! Совсем наоборот. Они никогда не уходят с работы!

А сегодня мне надо выйти.

Очень надо.

Я кое-что задумала.

Поэтому я подхватываю ноутбук с собой, бросаю в сумку мышку, зарядное устройство и…

Лечу исполнять свой план “Барбаросса”!

Точнее, план Марьиной…

Кому еще упражняться в коварстве, как не писателю любовных романов?

И начинаем мы с главного для женщины… С внешности!

Это моя последняя попытка. Мое оправдание моему мужу. Всем…

Ведь…

Я и правда немного потеряла свой блеск… Никакой косметики дома, потому что она попадает в глаза и мешает работать. Удобное трикотажное платье, а зимой еще и пуховая шаль… Нет, я не мерзну. Просто люблю укутаться.

После появления Карины у нас дома, я оглянулась на себя в зеркало и поняла, что в глазах окружающих, а, возможно, и Паши, я действительно до него не дотягиваю.

Он же у меня всегда лощеный. Любит дорогие костюмы, представительские аксессуары. Недавно купил себе свеженькое авто…

А я…

Дама неопределенного возраста с пуховой шалью на плечах.

Поэтому… сегодня я записана в салон красоты!

У меня там три процедуры на несколько часов.

Нет, я часто там бываю для уходовых процедур. Но сегодня я заказала не только массаж и маски… Сегодня я готовлюсь к особенному вечеру.

Меня встречает Леночка. Девчушка, не сильно старше Карины. Но, в отличие от нее, крайне приятная и… хорошо зарабатывающая! Я-то знаю, сколько ей плачу.

Моя косметолог уже привыкла, что я что-то печатаю во время депиляции. Называет меня маньячкой и смеется, что, вероятно, я смогу работать даже с патчами на глазах. Если честно, я думаю, что она права. Хотя печатать на слух еще не пробовала…

– А ты представляешь! Она от него родила! – вдохновенно рассказывает мне девушка, уверенная, что поставляет мне новые сюжеты.

Я сейчас сижу в отдельном кабинете, мне делают одновременно маникюр и коррекцию бровей…

– Он, значит, ее обобрал до нитки и свалил в закат с этой… Рыжей… А она…

– Стоп! – взмахиваю рукой.

Прислушиваюсь…

Какие-то капризные возмущения в фойе…

– Я хочу сделать лазерную депиляцию зоны бикини! – слышу до тошноты знакомый голос. – Что значит “все мастера заняты”?!

– Лена, – оборачиваюсь к маникюрше, – с меня три книги в подарок, если ты сейчас назовешь мне имя этой клиентки, – сиплю, вытаращив глаза.

Моя фея щипчиков и пилочки мне заговорщически подмигивает, встает, аккуратно открывает дверь…

Возвращается быстро… С распахнутыми от удивления глазами…

– Карина Марьина! – произносит тихо. – Однофамилица ваша, наверное…

Стискиваю зубы… Молчу…

Нет.

Не однофамилица…

Просто взяла и записалась моей фамилией. Фамилией моего мужа…

Я сама виновата, я ей этот салон порекомендовала…

Закрываю глаза, откидываюсь в кресле, чувствуя, как к горлу подступает обида и горечь:

– Да, наверное, – произношу равнодушно, еле скрывая дрожь в голосе. – Так что там у твоей подруги любовник украл?

У меня в запасе два часа…

Два…

Я совершенно точно знаю расписание Паши. Секретарша мужа может быть хорошей подругой жены, если к ней правильно подойти.

У него сегодня деловой обед и селекторное совещание.

А с четырех он свободен!

Делаю глубокий вздох…

Я смогу.

Я справлюсь.

Так будет лучше. Так надо.

Время летит неумолимо быстро. Девчонки в салоне хлопочут вокруг меня, о чем-то щебечут и хихикают. Я механически стучу по клавиатуре, с трудом собирая мысли в единое целое.

Работа. Любимая, мать ее, работа… Единственное, что сейчас помогает не думать о худшем.

Около трех выползаю из салона.

Безупречная укладка, свежий маникюр, профессиональный дневной макияж и элегантное платье, подчеркивающее мою талию…

Нервно смотрю на часы.

Успею? Должна…

Пробок почти нет, но у меня все равно сбивается дыхание, потеют ладони…

Я хочу дать ему шанс.

Я хочу попробовать сохранить семью…

Паркуюсь, поднимаюсь на лифте…

Каждый этаж – как отсчет к приговору.

Глубокий вдох.

– Любимый… – открываю дверь.

Шагаю.

И застываю.

В кабинете моего мужа сидит Карина.

.

Глава 4

Дочь подруги тут же вскакивает из его кресла.

В глазах ни тени смущения. Скорее, злость, досада…

– Теть Вер? – хлопает она ресничками, стараясь незаметно застегнуть блузку. – А что вы тут делаете?

– Ой надо же! – картинно прикладываю ладонь к щеке. – Я как раз хотела спросить у тебя то же самое!

– А у нас пары отменили, и я заехала сюда окно переждать, а дядь Паша предложил выпить кофе, а я…

– Вера?! – слышу за спиной возмущенный голос мужа.

Медленно поворачиваюсь к нему. Павел без галстука, верхние пуговицы рубашки небрежно расстегнуты, взгляд взбудоражен, а губы припухли. И он явно не ожидал увидеть меня. Совсем не ожидал.

Пашка изумлен… Только вот не моим шикарным внешним видом, а фактом моего появления…

– Что ты тут делаешь? – кривится он.

– Хотела устроить тебе сюрприз, дорогой, – улыбаюсь ласково, делая шаг вперед и позволяя платью красиво заиграть вокруг бедер. – Может, поужинаем вместе?

– Я же сказал, что занят, – сухо произносит он, отворачиваясь к столу, словно скрывая раздражение оттого, что я застала его врасплох.

Карина бросает на меня торжествующий взгляд и слегка улыбается уголками губ, явно наслаждаясь моментом.

– Вот, держи, – Павел нервно достает из кармана портмоне, вытягивает карту и протягивает мне. – Купи себе что-нибудь, сходи с подругами в кафе...

Я застываю, не сразу понимая смысл происходящего. Он серьезно? Вот так просто откупается от меня, от собственной жены?

Взгляд мужа холоден и тверд. Ни грамма сожаления. И от этого становится невыносимо больно.

– Спасибо, дорогой, у меня, – выдавливаю из себя, сквозь улыбку, – вроде что-то еще есть на счету, – затем медленно поворачиваюсь к Карине, нарочито весело произнося: – Ну что, составишь компанию?

– Ой, теть Вер, я не могу! – сладко тянет она, садясь на диван, как полноправная хозяйка кабинета. – У меня же лабораторная! Я вот только кофе выпила и уже бегу!

– Так я подвезу тебя, – не сдаюсь я, сохраняя внешнюю невозмутимость.

– Нет-нет! На метро гораздо быстрее! – тут же машет она рукой, еще глубже устраиваясь на диване, демонстративно подчеркивая, что уходить не собирается.

Павел резко поднимает голову, раздраженный этим диалогом:

– Дамы, хватит! Вера, я тут вообще-то работаю...

Он смотрит исключительно на меня. Холодно и безапелляционно. Словно это я лишняя в его кабинете, его жизни.

– Конечно, дорогой, – отвечаю я спокойно, сглатывая горький ком в горле. – Извини, что помешала…

На мгновение задерживаю взгляд на Карине. Она чуть заметно усмехается, победоносно вскинув подбородок.

Я медленно разворачиваюсь и выхожу, тихо прикрывая за собой дверь кабинета.

В груди саднит унижение. Сердце колотится болезненно и резко. Но внутри, где-то глубоко под болью, уже просыпается холодная ярость.

Значит, так, да?
Значит, ты решил отправить меня в утиль…
Ну что ж!
Я давала тебе шанс!
А теперь, берегись!
.

Глава 5

– *“Подсыпать в кофе пурген?!”*

Зачитываю хорошо поставленным голосом.

Паша нервно дергается, давится, закашливается… С испугом смотрит на свою чашку.

Я делаю вид, что не обращаю внимания…

Играю роль так безупречно, что даже сама почти верю в свое равнодушие. Но внутри все сжато в тугую пружину. Боковым зрением отмечаю каждую деталь, в уме просчитываю каждый звук, каждое движение… Вплоть до высоты изгиба брови.

“Ну, не-ет!” – продолжаю свой спектакль одного актера.

“Просто застрять на унитазе – это для него слишком слабое наказание!” – зачитываю с неприкрытым торжеством.

Карина опускает лицо, нервно покусывает губы… Похоже, ее я все-таки развеселила.

А Пашка это заметил и просто побагровел от ярости…

Но высказаться я ему не даю. Продолжаю:

“Хотя что-нибудь можно и подсыпать! Но веселенькое, неожиданное, с огоньком. В конце концов, писатель я или где?”

– Мне так нравится это писать! – я нетерпеливо ерзаю на стуле, листая планшет. – А какие тут комментарии, ты бы только видел!

Я якобы открываю страницу книги…

“Отрезать ему хозяйство ржавыми ножницами!”

“И проститутке малолетней в глотку запихнуть, чтоб подавилась!”

На этой фразе Карина испуганно вздрагивает, устремляет свой встревоженный взгляд на Пашу.

– Так, хватит! – рявкает мой муж.

Минут на десять позже, чем я ожидала…

У меня уже почти все гадости в рукаве закончились.

Отрываю взгляд от планшета, смотрю на них невинно…

– В смысле? – хлопаю ресничками. – А что случилось?

– Знаешь, Вер, – кривится Павел. – Мне больше нравилось, когда ты писала про своих боссов и секретарш!

– Паша, – усмехаюсь смущенно. – Только не говори, что ты читал! – смотрю на Карину, втягивая ее в это обсуждение.

Не реагирует.

Поиздеваться над мужиком, читающим дамское чтиво, она со мной не хочет…

Ну что ж…

– Нет, не читал, – запинается Пашка, – но…

– Не читал, но осуждаю, – перебиваю мужа.

– Вер, знаешь что?! – резко встает он из-за стола. – На сегодня с меня хватит твоей писанины!

– Как скажешь, дорогой, – покорно киваю я.

Опускаю руку в карман, стискиваю блистер из-под виагры… Вжимаю пустые ячейки так, словно это красные кнопки в ядерном чемоданчике.

– Ты, конечно, можешь не слушать, – улыбаюсь ему нежно.

Голос мой звучит на удивление спокойно и даже весело, но каждый мой вдох обжигает горло огнем ярости.

– Спасибо! – отворачивается почти удовлетворенно. – Уже поздно. Я спать.

– Я тоже к себе, – встает из-за стола Карина.

– Да, конечно, – киваю. – Я еще поработаю.

На самом деле действительно уже поздно… Эти двое, совершенно ничего не стесняясь, вернулись домой почти в девять… Вместе.

Для меня это был удар под дых.

А они вели себя так, словно ничего не произошло.

Каринка даже прильнула поцеловать меня в щеку.

И я в который раз ощутила на ней аромат собственных духов.

Сердце предательски сжалось, я почти неосознанно бросила тоскующий взгляд на мужа…

От его рубашек стало слишком ярко пахнуть моими духами…

Моими…

Только он вот уже почти третью неделю как перестал меня обнимать.

Совсем.

Ссылается на усталость.

Боже, как же больно…

Но не время горевать!

Время ужинать!

Я им немного соврала. Сказала, что весь вечер работала над новым текстом, и снова потребовала слушать.

На самом деле это все я написала еще в салоне красоты, во время педикюра.

А после того, как Паша выставил меня из офиса…

Сначала я брела словно оглушенная по набережной.

Я не строила планов на вечер. У меня и в мыслях не было, что муж способен от меня вот так нагло отделаться.

Я просто брела, ничего и никого не видя, пока не врезалась в старикашку, торгующего букетами полевых цветов.

– Ай, разве такая красивая женщина может плакать?!

Плакать?

Я?

И тут я поняла, что по щекам действительно текут слезы.

– Боже, нет, конечно! – засмеялась я, собрав в кулак весь свой артистизм. – Я – писатель! Придумала грустный эпизод!

– Ах, вы, вероятно, очень талантливый писатель! – заискивающе улыбнулся старичок.

– Я надеюсь! – улыбнулась я в ответ, протянула ему купюру.

Просто так, не знаю зачем.

А он вдруг всучил мне перевязанные лентой тысячелистник с пижмой…

И еще что-то фиолетовое…

Боже, где он их набрал? Вполне возможно, вдоль близлежащей дороги.

Но… это было так мило! Нежно! Это было так по-настоящему, что я не смогла их выкинуть!

Сжала в руке, кивнула дедульке и перебежала на другую сторону дороги.

И…

Оказалась нос к носу перед адвокатской конторой.

А! Нет! Конечно, я в нее не пошла.

Все мои дела ведет вполне конкретный юрист. Еще с тех времен, когда у меня однажды украли книгу.

Он дока в авторском праве и наследовании нематериального имущества. И вот ему-то я и позвонила.

– Валентин Сергеевич, – произнесла я спокойным голосом. – Придумайте, пожалуйста, как сделать так, чтобы при разводе мой муж не получил ни копейки с моих книг.

Адвокат помолчал минуты три и ответил мне, что подумает и перезвонит завтра.

Ну что ж…

Это был не тот ответ, который я хотела услышать, но это было лучше, чем категоричное “нет”...

И вот тогда я уже направилась домой… заскочив по пути в аптеку.

У Паши никогда не было проблем с потенцией. Именно поэтому эта его трехнедельная “усталость” была так унизительна.

И именно поэтому он совершенно не представлял, какова на вкус виагра.

Сварила кофе покрепче.

Сказала, что обычное молоко кончилось, налила соевого…

В общем, объяснила легкую горечь естественными причинами.

И…

Уселась работать не в кабинете, а в гостиной, которая по планировке была связующей комнатой между всеми спальнями…

Я раскрываю на коленях ноутбук, разворачиваю свой рабочий файл…

Но не вижу ни строчки…

В уме одни лишь цифры…

Обратный отсчет…

Десять минут… Девять минут… Семь минут… Пять…

И тут дверь нашей спальни распахивается, и на пороге появляется сгорающий от нетерпения Павел!

.

Глава 6

– Вера! – хрипит он, задыхаясь. – Ты еще не спишь?

– Как видишь, – удивленно округляю глаза. – Меня же нет в нашей постели… – делаю упор на “нашей”.

– А… – он нервно делает круг по комнате. – А Карина?

– Уже спит! – произношу категорично.

Но не успеваю закончить, как та самая Карина, словно по сигналу, возникает в дверях своей комнаты. На лице – фальшивое смущение.

– Ой, – хлопает глазками. – А я водички попить!

– Карина! – чуть не кидается к ней мой муж. – Нам надо поговорить!

Та краснеет, распахивает дверь своей комнаты пошире, словно приглашая его…

Но… слишком быстро они списали меня со счетов!

– О чем же ты собрался говорить с молоденькой девчушкой?! – усмехаясь, встаю между ними. – Ты ж для нее старик! Вот оно надо ей, среди ночи с тобой разговаривать!

С радостью наблюдаю, как вытягивается лицо моего мужа.

– Ты и так сегодня совсем ребенку голову задурил, – нежно приобнимаю ее, чуть высокомерно глядя на Павла. – Она вместо того, чтобы с мальчиками гулять, сидела у тебя в офисе, как на привязи! – хмыкаю, глядя, как багровеет мой благоверный. – Карин! Скажи! – подмигиваю ей. – У тебя мальчик-то есть?

– М-м-мальчик? – крутит головой эта кукляшка, переводя взгляд с меня на моего мужа.

– Так! Хватит! – рявкает Паша.

Хватает меня за руку, оттягивает от Карины…

– Ой, ну ладно! – хохочу. – Не будем вмешиваться в чужую личную жизнь. Кстати, – лучезарно улыбаюсь, – про личную жизнь! – перехватываю мужа под руку, заговорщически подмигиваю Карине и…

Увлекаю его за собой в нашу спальню…

– Отстань от девочки, – хмыкаю, закрывая за собой дверь. – Эля сказала, что у нее кто-то есть, вроде как даже серьезно все, – тяну задумчиво. – Она собралась жениха с родителями знакомить.

– С родителями? – хрипло уточняет Павел.

– Ну да, – кладу руку ему на грудь. – Может, она там сейчас с ним переписывается… А ты к ней со своими разговорами, – улыбаюсь, чувствуя, как дрожит тело мужа под моими ладонями.

– Вера… – хрипит он. – Вера! – глаза его загораются гневным огнем. – Вера!

И он вдруг стискивает меня в объятиях…

Ох!

К этому я не была готова! Я рассчитывала, что он будет полночи мучиться под душем…

А он…

– Как ты вкусно пахнешь! – прильнул губами к моей шее.

А мне вдруг становится до дрожи противно…

Именно от упоминания о запахе…

Потому что она тоже… Она мною пахнет!

– Пашка! – отталкиваю его, смеясь. – Ну ты нашел время! Выбрал единственный день в месяц, когда у меня дела!

– Вер, когда это нам мешало, – напирает он, развязывая мой халат.

А у меня аж мурашки по коже… Не сладкие и манящие, а… такие, как бывает, когда трогаешь что-то противное…

– Паш, подожди, я правда не могу, – шепчу смущенно. – Но есть же альтернативные способы! – подмигиваю мужу. – Давай поиграемся!

Укладываю его на кровать, распускаю пояс своего халата, беру его запястье и…

– Ух! Верка! Да ты у меня огонь! – с восторгом произносит он, глядя, как я затягиваю узел на его запястье.

– Сейчас второе, – мурлычу, доставая из брюк его ремень. – А теперь, погнали!

Ни о каком удовольствии речи, конечно, не идет!

Хотя нет!

Я отчаянно прыгаю по кровати, чтобы она как можно громче скрипела, пару раз даже толкаю ее так, что она ударяется изголовьем о стену…

О смежную со спальней Карины стену…

Я стону, хохочу, восхищаюсь своим мужем так громко, как могу!

А он…

Он весь измучился, бедняжка, в ожидании разрядки.

Потому что на него мне откровенно плевать.

Рычит, крутится, извивается…

А я восхищенно смотрю на него:

– О! Паша! – восклицаю громко, понимая, что эта дрянь нас отлично слышит.

Ну… Пришлось, конечно, вспомнить кое-что из обязанностей супруги…

Я удрученно похихикала, что мне надо к стоматологу, и от оральных ласк тоже отвертелась, но…

В общем, от напряжения своего Пашка избавлялся с трудом и громким стоном облегчения!

После чего я развязала его и отправила в ванную… И… Судя по тому, сколько он там проторчал, виагра все еще продолжала действовать…

Пока он в душе, я закрываю дверь на ключ, убираю его себе под подушку и… Делаю вид, что крепко сплю…

Эта козлина, проверив мой безмятежный сон, пробует-таки открыть замок! Но я тут же принимаюсь ворочаться, и…

Ему ничего не остается, как с тяжелым вздохом лечь рядом со мной…

Я слушаю, как он раздраженно шипит, ворчит, и улыбаюсь.

А на утро мой маленький спектакль получает неожиданное продолжение!

Я встаю раньше Пашки, выхожу на кухню, а там…

Яростно крошит сыр на бутерброды злая и растрепанная Карина.

– М-да, – смотрю на ее произведение кулинарного искусства. – Ну зато ж ты красивая!

Хихикаю, отворачиваюсь.

Она резко вздрагивает, поджимая губы, и с таким остервенением вонзает нож в доску, будто представляет на его месте меня. Или Пашу.

– Мы вчера не слишком тебе мешали? – невинно хлопаю ресницами, потягиваясь и театрально вздыхая. – Пашка буквально с ума сошел! Не думала, что новая прическа может настолько завести мужчину… – мечтательно поправляю локоны, новый цвет которых, конечно, вчера никто не заметил. – Прямо медовый месяц какой-то…

Карина бросает на меня яростный взгляд исподлобья, краснеет и снова вонзает нож в сыр с удвоенной силой. А я с наслаждением наблюдаю за ее бессильной злостью.

В этот момент появляется Павел.

Он уже в костюме.

Поправляет узел галстука так, будто хочет задушиться…

– Д-доброе утро… – тихо здоровается он, стараясь не смотреть ни на одну из нас.

Карина резко поднимает голову, глаза ее вспыхивают недовольством, губы поджимаются в тонкую линию:

– Доброе утро, Павел Александрович! – ледяным тоном цедит она, подчеркивая официальность обращения.

Пашка бледнеет, дергается, будто его ошпарили кипятком, распахивает рот…

– К-карина… Э-э-э-э… – начинает он.

Но тут уже влезаю я.

– Пашенька, ты даже кофе не попьешь? – нежно улыбаюсь, наслаждаясь их немым противостоянием.

– Н-н-ет, – заикаясь, крутит головой мой муж. – Мне пора! Я позвоню!

И вылетает в коридор.

Слышно, как хлопает входная дверь.

Карина раздраженно отбрасывает нож, а я с удовольствием, сербая и смакуя вкус, отпиваю любимый напиток…

– Карина? – поворачиваюсь к этой злобной стерве. – У меня для тебя сюрприз!

.

Глава 7

– Ты только послушай! – шепчу заговорщически, несмотря на то, что никого, кроме нас, в квартире нет. – Это эксклюзив!

Протягиваю Карине флакон духов в красивой, дорогой упаковке.

Правда дорогие.

Правда эксклюзив.

Девчонка нерешительно берет подарок, подозрительно всматриваясь в мое лицо.

– Это топовая компания, они делают ароматы для кинозвезд и политиков! – округляю глаза. – Анализируют образ, привычки, вкусы и… Баснословно дорого, но оно того стоит! – произношу с восхищением.

Широко улыбаюсь. Карина мрачнеет, аккуратно, словно нехотя, берет коробочку из моих рук. Ее пальцы сжимают упаковку слишком сильно…

– Мне самой уже поздновато так экспериментировать, – улыбаюсь виновато, – но идея же шикарна! Не удержалась, – виновато опускаю глаза, – сделала для тебя!

Карина, хмурясь, неохотно откупоривает флакон, и кухня наполняется дерзким и терпким ароматом жасмина и фрезии. Чувствуется также что-то ягодное… И, кажется, лимон…

Молодежно, свежо, ярко… Совсем не похоже на меня.

– Он… потрясающий, – тихо произносит Карина, явно не ожидая этого.

Она моргает, слабо улыбаясь, но тут же сжимает губы, словно вспомнив что-то неприятное.

Аромат действительно интересный.

Мне нравится.

Особенно мне в нем нравится то, что его ни за что не спутать с моими духами. Собственно, это и был заказ: стиль молодой девушки, максимально не похожий на… те духи, которыми пользуюсь я!

У них вышло!

Пусть теперь попробует к Пашке беззастенчиво прижиматься!

Ну или не использовать эти духи!

Она не дура. Стерва, дрянь, шалавка, но не дура…

– Пользуйся, малышка! – нежно трогаю ее волосы. – Мне нравится тебя баловать! Рядом с тобой я жалею, что у нас с Пашей нет детей, – вздыхаю. – Хотя! – закусываю нижнюю губу, словно говорю о чем-то сокровенном. – Не такие уж мы с ним и старые! Вон у меня моя корректор в сорок два родила! – бросаю на нее игривый взгляд. – Что скажешь? Подходим мы с Пашуткой для роли молодых родителей?

– Д-да! – напряженно мямлит она, резко отворачиваясь. – А почему нет? Никогда не поздно… – и тут она бросает на меня полный вызова взгляд. – Если любите друг друга…

– Ах, милая, – улыбаюсь снисходительно, – любовь – это хорошо в первые месяцы… Ну, – пожимаю плечами, – может быть, год… Потом важнее другое, – бросаю на нее покровительственный взгляд.

– И что же? – Карина нахально вскидывает подбородок, но ее голос предательски дрожит.

– Порядочность! – слишком резко бросаю я, ощущая, как в груди поднимается обжигающая ярость. – Доверие, честность, надежность… – последние слова почти шиплю, глядя ей прямо в глаза.

Под моим взглядом она слегка бледнеет.

Чувствую, как у меня под ребрами начинает все вибрировать, дрожать от злости.

Я всегда была порядочной, надежной и честной… И что получила в ответ?

– И самое главное, – заканчиваю, чуть смягчившись, – люди должны хотеть быть вместе, – улыбаюсь. – Сегодня, – задумчиво склоняю голову. – Завтра, – веду пальцами по ободку чашки. – Через десять или двадцать лет… – смотрю куда-то вдаль невидящим взглядом. – Особенно в старости! – произношу чуть бодрее, чем следует. – Когда уже вставные зубы и геморрой… И главная тема для разговора – хорошо ли сходил в туалет! У Пашки вечно с этим проблемы, – заканчиваю, разрушая ехидством всю романтику разговора.

Каринка вздрагивает, округляет глаза!

Вижу в ее взгляде настоящий ужас и отвращение!

Что, дорогая, об этом ты не задумывалась?

Сжимаю губы в плотную линию, чтобы не расплыться в улыбке, отворачиваюсь, делаю вид, что пью кофе…

– Ты только дядь Паше не говори, что я тебе рассказала, – тихонько прошу ее. – Он обидится, – хмыкаю. – Но, – смотрю на нее искренне, – ты же у нас почти член семьи… Как дочка, – улыбаюсь ей нежно. – Кто знает, – вздыхаю мечтательно, – может, однажды именно ты будешь искать для него врачей…

– Ой! – аж подпрыгивает Карина. – Я ж совсем забыла! – бледнеет, мечется по кухне. – Нам же сегодня пару поставили!

– Ах, дорогая, конечно! Беги! – взволнованно машу руками. – Тебе собрать бутерброды?

– Нет-нет! – резко выпаливает она. – Я потом, я сама, я…

Она забывает, что хотела сказать.

Ну и славно.

Теряй голову, девочка… Теряй… Любить ты не в состоянии, так хоть от ужаса реальной жизни теряй…

– Как там твоя лабораторная? – спрашиваю громко, наблюдая, как она бегает между кухней и ванной.

– Еще не объявляли результат! – выпаливает.

– Я верю, что ты нашла верный ответ! – подбадриваю ее с двусмысленным фальшивым оптимизмом.

Она уже не реагирует.

На ходу расчесывает волосы, кидает в сумочку косметичку…

– До вечера! – кричит от двери.

– Пока, родная! – нарочито нежно прощаюсь с ней я. – Стой!

Подбегаю, хватаю флакончик духов, который она поставила на зеркало, и…

– Ты не против? – спрашиваю со взглядом ребенка, держащего в руках новогодний подарок.

– Конечно! – пытается растянуть губы в улыбке она.

И я щедро обливаю ее… Жасмин… Фрезия… Ягоды… Цитрус… Ярко, дерзко… Совсем не похоже на мой аромат!

Бледная Каринка вылетает из квартиры, хлопая дверью, а я остаюсь, чувствуя, как внутри холодная пустота медленно уступает место странному, почти болезненному удовлетворению.

Хороший вышел сюрприз.

Но он на сегодня не последний.

Криво улыбаюсь, беру телефон…

– Алло, кафедра? Здравствуйте. Я по поводу Карины Мининой…

.

Глава 8

Мне отвечает дама с хорошо поставленным голосом, представившаяся секретарем…

– Карина! – голос в трубке звучит так, будто обладательница этого имени ему хорошо известна.

И не с очень приятной стороны!

– Да, да, – улыбаюсь в трубку, пытаясь сгладить впечатление, – Карина Минина… У девочки возникли проблемы с общежитием.

– У девочки возникли проблемы не с общежитием, – очень категорично отвечает мне женщина с кафедры Карины. – У нее возникли проблемы с учебой. Она отчислена с бюджетного отделения.

– Как?! – ахаю, совершенно не готовая к такой новости, ноги подкашиваются – сама того не желая, сажусь на диван. – Как отчислена?

– С бюджета, – раздраженно и как-то мстительно уточняет женщина. – Молча. За неуспеваемость. А студентам коммерческого отделения общежитие мы не предоставляем!

– Коммерческого? – тяну растерянно. – Ах да, как же я могла забыть! Простите! Я все напутала! Спасибо за уточнение…

– Пожалуйста! – совершенно недружелюбно отзывается дама и, не дожидаясь моих очередных вопросов, кладет трубку.

Вот те на…

Растерянно замираю… Элька ничего не говорила! Да и… Откуда у нее деньги-то? Она осталась без мужа, когда Каринке было двенадцать. Овдовела. Я не очень хорошо его знала, они поженились уже после того, как я уехала, но говорят, что парень пил. Официальная версия – погиб на производстве. И именно эту официальную версию Эля несла как знамя. Поднимая маленькую дочь, надрываясь на двух работах, гордо именовала себя вдовой.

В общем, денег в этой семье не было от слова совсем. Почему ж я и согласилась приютить эту дрянь малолетнюю… Понимала, что ни о какой аренде речи быть не может. Это потом уже, когда я посмотрела на гардероб Каринки поближе, у меня возникли сомнения…

Но трусы и лифчики ей вполне мог оплатить мужчина… Стискиваю зубы, заставляю думать себя о некоем эфемерном мужчине… Не о Павле…

Но учеба…

Стоп!

А почему учебу-то мужчина оплатить не может?

Еще как может!

Подскакиваю как ужаленная, лечу к ноутбуку, открываю банковские приложения ко всем нашим счетам…

Нашим. Да…

Увы и ах, мы женились тогда, когда о брачном контракте говорить было чуть ли не совестно. У нас все общее. Квартира, машины, непонятно зачем купленный лет семь назад участок и счета… Абсолютно все банковские счета.

Всматриваюсь…

Так…

Вроде бы ни один не пострадал…

Точно не пострадал!

Уф…

Заставляю себя выдохнуть, но внутри ворочается что-то мерзкое, холодное, неприятное…

Вот тут клали на депозит именно эту сумму, вот тут…

Так! Постойте-ка! Мы открывали вклад на эту сумму, а проценты?

Тут же разворачиваю историю движения средств…

Так и есть!

Все! Абсолютно все проценты со всех счетов сняты!

Это выходит общей суммой…. Елки-палки… Без сорока тысяч оплата за год Каринке…

Да что ж это такое?

Да как же так?

Утыкаюсь лбом в руки, тихо всхлипываю, чувствуя себя раздавленной и глупой одновременно. Доказательств нет. Есть только мерзкая, тошнотворная уверенность в правоте своих подозрений.

Черт возьми, как так вышло? Как? Что это? Совпадение?

Нет. Все. Не могу больше…

Тянусь к телефону, набираю номер адвоката, к которому заглядывала пару дней назад…

– Вера Андреевна! – произносит он почти радостно. – А я как раз собирался вам звонить! – он не дает произнести мне ни слова. – Кажется, я придумал, как оставить вашего супруга при разводе ни с чем! – выпаливает он возбужденно.

Но тут же запинается, меняет тон:

– Если вы, конечно, не передумали… – аккуратно добавляет Валентин Сергеевич.

– Нет! – отзываюсь глухо и очень решительно. – Не передумала! Рассказывайте!

.

***

Ждать…

Это самое трудное…

Ждать…

Сижу на кресле в гостиной. Закинула нога на ногу, скрестила руки на груди… Зубы тоже стиснула… А то стучат от напряжения.

Передо мною ноутбук. На экране текст. Перечитываю в третий или четвертый раз… Коротко, просто, максимально двусмысленно! Да, мне нравится.

Теперь остается только ждать…

Закрываю воспаленные глаза, глубоко вдыхаю.

Щелк!

Дверной замок.

Ура!

Подскакиваю с кресла, почти бегу навстречу и резко останавливаюсь на пороге гостиной, еле сдерживая болезненный стон: снова вдвоем…

Ну что ж... Так тому и быть. Кидаюсь к мужу с формальными объятиями…

– Мои дорогие! – радостно восклицаю, жмурясь при этом, чтобы не показать слез. – Я уже заждалась! – отворачиваюсь от кислой, высокомерной мины Каринки.

Отмечаю, что она духами не воспользовалась.

Ну ладно. Есть у меня и на этот случай кирпич за пазухой. Подождем пару дней.

– Вы голодные? – взглядом преданной собаки смотрю на Павла.

– Да нет, – морщится тот, отворачиваясь. – У меня были переговоры во второй половине дня, мы с партнером заканчивали их в ресторане…

– А ты? – смотрю на Карину.

У нее-то не было переговоров!

Смотрю на дочь подруги очень внимательно. Она широко распахивает глаза от неожиданности, открывает и закрывает рот, как рыба…

– Каринку я тоже накормил! – спешит ей на помощь Павел.

Понятно… Кто-то себе сегодня покупал прощение за шумную ночь с женой.

– Ресторан был рядом с ее корпусом, – мямлит он, – я ей набрал, предложил домой довезти, ну и… – рассказывает он что-то не очень складное спокойным голосом.

– Рядом с ее корпусом? – приподнимаю брови. – А что это за ресторан? – уточняю невинно.

– Вер, что за допрос?! – вдруг вскрикивает муж. – Тебе что, делать больше нечего, кроме как дурные вопросы задавать? Совсем уже двинулась на своих книгах! – кривится он, взмахивая рукой. – Из дома не выходишь, с людьми не общаешься!

Замираю, оглушенная таким хамством.

Боковым зрением вижу неприкрытую ехидную улыбку Карины…

М-да, дорогуша… Хорошо смеется тот, кто смеется последним…

– Паш, ты абсолютно прав, – вздыхаю сокрушенно. – Я слишком много занимаюсь книгами и слишком мало всем остальным… Представляешь, – смотрю на мужа жалобно, – у меня возникли проблемы с налоговой! – чуть не плачу.

Правда, совсем не из-за мифических проблем с отчетами и выплатами… Но причину моих слез им понимать не обязательно, главное, что они видят, что все серьезно…

Каринка высокомерно хмыкает, а Паша, хорошо знающий, откуда в этом доме деньги берутся, бледнеет и обеспокоенно переспрашивает:

– С налоговой? – хмурится, тут же достает телефон. – Что за проблемы?

– Да у меня там доход – расход за пару периодов не сходится, – виновато туплю взгляд. – Поможешь мне? Подпишешь пару бумажек?

.

Глава 9

– Вот тут, вот тут, и еще вот тут…

Подсовываю Павлу тщательно составленные документы.

Паша поджимает губы, взгляд мечется по строчкам договора. Пальцы нервно перебирают ручку, и секунду мне кажется, что он откажется.

– Подожди, – хмурится он, вчитываясь, – это же за уже закрытый налоговый период.

Внутри все сжимается в тугую пружину… Откажется? Посмеет?

– Мне бухгалтер сказала, что нужно так оформить, чтобы сделка не вызывала подозрений! – почти елейно лепечу я. – А то выйдет, что я тебе все займы предоставляла исключительно в этом году… Получится странно…

Паша поджимает губы, недовольно морщится…

– Ну ты же понимаешь, что это просто формальность… – смотрю на него умоляюще.

– Мне надо будет предупредить свою бухгалтерию, – ворчит он и…

Устало вздыхает и подписывает договора задним числом.

Это не махинация с моей стороны. Скорее, восстановление справедливости. Я же действительно давала эти деньги.

Но без официальной бумаги это было просто семейное имущество… А теперь это долговые обязательства ИП “ТрансМаршрут” перед ИП “Марьина В. А.” Причем с процентами. Смешными, не рыночными, но с процентами! “Ты же понимаешь, что совсем без процентов это вызовет двойное подозрение”, – словно смутившись, уговариваю его я…

И у меня выходит.

Я все же писательница. А Паша – недальновидный простофиля. Почти семнадцать лет я оправдывала его, жалела, убеждала себя, что не всем же быть гениями. Но сейчас вижу ясно: он не просто неудачник – он паразит, которому не хватило ума оценить все, что ему было подарено. Он растоптал не только чувства, но и мое достоинство. Ну что ж, раз любовь вернуть нельзя, то деньги я верну сполна – пусть знает свое место.

– Ну вот! Спасибо! – подхватываю бумаги, тут же сую их в сканер. – Ужинать вы не хотите, а кофе выпьете? Я шарлотку испекла, – улыбаюсь своей самой нежной улыбкой.

– Кофе можно, – недовольно кряхтя, встает Павел.

Он идет в гостиную, где уже красиво расположилась в моем любимом кресле Карина, а я – на кухню…

Кофе… С шарлоткой…

– Абсолютный гуманитарий, – едва слышно бормочет Пашка, и я буквально чувствую, как в груди вспыхивает жар.

Карина, словно вторя ему, презрительно смеется.

Я стискиваю зубы так сильно, что скулы сводит судорогой.

Ладно.

Посмеемся.

– Держите, мои дорогие! – приношу им разрезанный пирог. – Шарлотка мне обычно удается…

– Да, – довольно крякает Пашка, – печешь ты лучше, чем составляешь финансовые отчеты…

Карина, совершенно не скрываясь, высокомерно кривится.

А Пашка откусывает большой кусок пирога.

– Я тоже печь люблю, – глядя, как он довольно чавкает, произносит эта малолетняя шваль. – Только редко это делаю, – поджимает губы. – Берегу фигуру.

– Боже, Кариночка! – с наигранным возмущением ахаю я. – Твою фигуру ничего не испортит! Ты же просто Венера Милосская!

Она довольно сияет, Пашка смотрит на нее с гордостью… Будто имеет на это какое-то право.

– К тому же, – добавляю, понизив голос, – шарлотка один из самых низкокалорийных пирогов! – подмигиваю. – За счет яблок…

Та хмыкает, капризно поджимает губки и… берет себе кусок.

Отлично.

На то, что я себе пирога не положила, никто из этих двоих не обращает внимания.

Ну и ладно!

Вы же любите веселенькие ночки? Вот и повеселитесь… У двери туалета… Слабительное-то для кофе я все-таки купила… Тогда… с виагрой… Не пропадать же добру.

Пару минут молчу, давай им наесться моего коварного лакомства, а потом…

– Представляете, моя история набирает обороты! – принимаюсь рассказывать довольно, попивая кофе.

– Какая история? – хмурится Пашка, беря второй кусок.

– Ну та! – взмахиваю рукой. – Про измену с дочерью подруги!

Карина едва заметно вздрагивает, рука с ложкой на мгновение застывает в воздухе. Она бросает быстрый, напряженный взгляд на моего мужа, но тут же скрывает его за наигранным равнодушием.

– Я написала сцену, где жена выяснила, что муж тратит на любовницу баснословные суммы! И что тут началось в комментариях! – довольно закатываю глаза. – Уничтожить! Растоптать! Сжечь! – хохочу.

– Какие у тебя кровожадные читательницы, – недовольно произносит Павел.

– Я думаю, дело в том, что многие узнают в героине себя, – философски пожимаю плечами. – Эта накопленная, невысказанная боль, – грустно вздыхаю. – Мои книги для них как терапия, – поджимаю губы. – И именно поэтому! – восклицаю, поставив чашку на стол. – Я завела для этой истории отдельную страничку! – довольно щурюсь. – Это теперь почти интерактивное шоу! Ты не представляешь, какой вышел охват! – довольно улыбаюсь.

– Шоу? – хмурится Павел. – Тебе не кажется, что ты увлеклась?

– В смысле? – вскидываю бровь.

– Ну… – откашливается он. – Одно дело, когда это просто твои книжки для подружек и престарелых соседок, – намеренно ехидно произносит Паша, отлично зная, что у меня давно многотысячные тиражи.

Карина довольно ухмыляется, жуя свою, точнее мою, шарлотку.

– А другое, – смотрит муж на меня строго, – когда ты выходишь в общественное пространство! Ты не представляешь, какую волну могут поднять в интернете. Ты уверена, что ты справишься с последствиями?

Его попытки меня задеть вызывают лишь тихое внутреннее наслаждение. Все идет именно так, как я задумала: он сам ведет себя в ловушку, уверенный, что управляет ситуацией.

– С последствиями? – чуть склоняю голову. – А чего ты боишься, Пашенька?

Повисает неловкая, почти осязаемая тишина. И в этот момент до него наконец доходит, что мы давно уже говорим не о книгах.

.

Глава 10

– Я ничего не боюсь, – гордо вскидывает подбородок Павел, косясь на Карину. – Я за тебя переживаю.

– Все будет хорошо, – произношу примирительно. – У меня все будет хорошо! – и пока они не услышали, что именно я сказала, быстро поднимаюсь. – Еще кофе?

Выхожу в кухню, просто чтобы отдышаться… Чтобы они не увидели мои эмоции. Аж руки дрожат. Я смогу, я выдержу.

Раскрыть карты сейчас – это значит отдать Паше половину того, что я заработала. Я! Не он. Я!

Даже эта чертова квартира… Оглядываюсь на дорогой кухонный гарнитур и дубовые двери, вспоминая, как мы ее покупали.

Трешка. Я тогда еще надеялась, что у нас будет ребенок. Паша ворчал, когда мы оформляли ипотеку, что это безрассудство, что надо брать двушку, а еще лучше однушку без кредита, потому что мой заработок – это случайность! Статистическая погрешность! Потому что так не бывает, чтобы сидеть дома, “строчить женские писульки” и на этом стабильно зарабатывать… Я хотела поправить: “Зарабатывать больше, чем муж”, но сдержалась. А зря. Сейчас закрываю глаза, медитативно выдыхаю и думаю, как много всего я сделала зря…

Кофемашина отрабатывает, я подхватываю поднос с чашками, иду к ним… Да чтоб вы все провалились! Но я сама затеяла эту игру…

Возвращаюсь в гостиную и слышу обрывок фразы Карины:

– Как здорово! – восторженно хлопает в ладоши она. – Конечно, я согласна!

Замираю, удивленно глядя на мужа.

– Я предложил Карине подработать в моей фирме, – бросает он мне недовольно. – Она вполне справится с обязанностями младшего логиста….

– Она же учится на дневном! – восклицаю я удивленно.

– Оформлю по совместительству, – отмахивается Паша. – Будет работать после пар, вечерами.

– Может, на аренду квартиры себе заработаю! – лукаво улыбается Каринка, пожимая плечами. – Чтобы никто никому не мешал, – бросает многозначительный взгляд на Павла.

А тот краснеет.

Ах вот оно что!

Ему нужно снять ей квартирку! Не понравилось девочке слушать стоны и скрипы из нашей спальни!

Вот же ж!

На полставки младшим менеджером она квартиру собралась оплачивать!

Не дождетесь!

– Ну, – поджимаю губы, – ты девочка взрослая, – вижу в ее глазах торжествующий блеск. – Только маме сообщи! – тут же осаживаю ее я. – А то скажет потом, что мы эксплуатируем бедного ребенка!

Ехидно ухмыляясь, сажусь рядом с Павлом, протягиваю ему чашку кофе.

– Я передумал! – фыркает он, глядя на чашку. – Пойду, пожалуй, спать.

– Конечно, дорогой, – покорно киваю. – Я приду чуть позже.

Карина тоже подхватывается:

– Вы сейчас не собираетесь в душ? – скромно хлопает глазками она.

– Нет, нет… Иди, – взмахиваю пальцами. – Спокойной ночи, – улыбаюсь ее спине.

Откидываюсь на диван, оглядываю пустую гостиную и… улыбаюсь.

Спокойно спать сегодня буду только я…

.

– Господи, да что ж вы съели в этом своем ресторане!

Картинно заламываю руки, еле сдерживая смех…

– Дядь Паш… – стонет Каринка у дверей туалета.

– Вера! – кричит тот из-за двери. – Вера, у нас есть что-то от…

И затыкается… Она же тут… Рядом…

Ха!

Она не то, что рядом, она мечтает попасть на твое место…

– Я же говорила, что в том районе ничего порядочного нет! – ворчу я, уходя на кухню.

Аптечка у меня там…

Закрываю за собой дверь, сгибаюсь пополам от хохота, зажимая рот ладонью…

Божечки, дай мне сил сдержать эмоции…

– Пашенька, от поноса все кончилось, – расстроенно кричу, выбрасывая противодиарейное в мусорку.

Поглубже, чтобы он не увидел…

– Вот только смекта, – бегу с пакетиком.

Одним…

– Должна помочь… – смотрю на Павла, напряженно выходящего из туалета.

Карина топчется возле двери, судорожно поправляя растрепанные волосы. Тушь растеклась у нее под глазами, придавая ей вид измученной панды.

Павел выходит, бледно-зеленый, словно морская волна. На лбу и висках испарина, домашняя футболка вся измята, с явными пятнами пота по спине.

Он старается не смотреть на свою пассию, но той все равно! Совершенно! Словно Жанна Д`Арк, осаждающая крепость во время столетней войны, она вламывается в клозет, громко хлопает дверью…

Еще сильнее побледневший Павел судорожно нащупывает на стене выключатель вытяжки…

– А пакетик один? – удрученно тянет он.

– Один, – пожимаю плечами. – Тебе? Или Карине?

– Давай Карине! – с видом рыцаря ершика и вантуза откликается он.

– Конечно! – киваю.

Возвращаюсь на кухню, философски смотрю на пакет лекарства…

Карине его… Как же!

Открываю, с совершенно чистой совестью высыпаю содержимое в раковину, сама зачерпываю пол-ложки крахмала, немного сахара…

– Ребят, – возвращаюсь к дверям туалета, за который снова борются эти двое. – Может, вам скорую?

Протягиваю стакан Карине. Павел снова ныряет внутрь самой популярной сегодня ночью комнаты…

– Нет! – стонет Карина. – Сейчас пройдет…

Ну да, смотрю на нее скептически, наверное, действительно скоро пройдет.

– Вы, главное, пейте больше, – чуть не плачу со смеху, глядя, как Паша открывает, но тут же снова закрывает дверь туалета. Изнутри.

Карина хватается за живот, сжимает коленки…

– Боже, беги в ванную! Потом вымоешь! – ору я погромче.

Она смотрит на меня взглядом раненой белки и…

Несется в ванную!

Победа!

Размазала обоих по всем статьям!

Интересно, они будут это обсуждать во время ближайшего интима? И когда он у них будет? Ближайший…

Квартирку отдельную они захотели… Ага…

– Паша! Надо натравить на этот ресторан санэпидемстанцию! – кричу отчаянно.

– Не надо! – рычит он.

Снова пытается выйти.

– Хороший ресторан! – произносит зло. – Мы часто там обедаем!

Эта фраза звучит как пушечный выстрел. Я на мгновение теряю самообладание, изумленно смотрю на него…

Он распахивает глаза, понимая, что сказал, и тут же поправляется:

– С партнерами!

А у меня внутри все сжимается невидимой ледяной рукой…

Он часто обедает около ее института…

Он знает там рестораны. У него есть любимые среди них…

А когда началась эта связь?

Боже, аж под ребрами все дрожит… Я-то думала, что это после переезда… Эти ее халатики… Длинные, словно случайно выставленные ноги… А выходит…

И тут внутри воцаряется ледяная, оглушающая пустота…

Уничтожу.

Полностью.

Навсегда.

.

Глава 11

Эти двое герои…

После своей веселой ночки, они собрались и ушли из дома… Оба… В разное, правда, время.

Пашка вызвал такси. Сказал, что он не в состоянии сегодня садиться за руль. А у него там что-то важное в офисе.

Ну пусть. Важное, значит, важное.

Карина собралась и молча ушла спустя час. Судя по времени, ко второй паре.

А я сижу на кухне, перед своим ноутбуком…

Не пишется от слова совсем...

Да, развлеклась я знатно, поиздевавшись над своими героями и их прототипами. Но в любой истории должен быть логический конец.

Пора, кажется, и тут ставить точку…

Вздыхаю, смотрю на открытый чат с адвокатом. Еще вчера в ночи он прислал мне сообщение, что будет ждать меня в своем офисе с трех и до восьми. Нужно отнести ему оригиналы документов и обсудить последовательность действий.

Нужно.

Хватит.

Все, что требовалось, я сделала. Бумажки Паша подписал, авторские права на все у меня оформлены…

В общем, больше тянуть незачем… Подсыпать им то слабительное, то виагру так себе удовольствие… Приятно, конечно, посмотреть на их измученные лица, но я же смотрю и на их откровенные взгляды. Слышу Пашкины неуместные насмешки, терплю его высокомерие и фырканье…

Нет.

Все.

Хватит.

Только вот…

Карина – дочь Эли. А Эля мне… Ну… Сейчас она мне однозначно ближе, чем муж. Если бы она была рядом, то я совершенно точно пошла бы к ней плакаться на свою женскую долю.

И я уверена, что Элька бы выслушала, поняла бы и обняла… Несмотря на то, что разлучница ее собственная дочь…

И… С Элей надо объясниться. Надо поговорить. Спокойно. Без эмоций и без обвинений. Просто поговорить…

Долго решаюсь, беру наконец телефон…

И тут он сам звонит в моих руках!

Смотрю на имя абонента и улыбаюсь. Все же я права! Все же действительно между нами крепкая связь…

– Эля? – принимаю звонок. – Привет!

Мой голос дрожит… Да, она подруга, но сказать подруге, что ее дочь разрушила мою семью…

Хотя… Какую там семью…

Не успеваю подобрать слов, как слышу в трубке:

– Верка, ты там что, совсем сдурела?

Голос Эли раздраженный, даже злой…

– Ты чего мою дочь выгоняешь? – с вызовом начинает она, не давая мне и слова вставить. – Что тебе там в твоих московских хоромах тесно стало? – несет какую-то околесицу подруга, а я чувствую, как по моему телу рассыпается мелкая дрожь.

Словно землетрясение. Словно все рушится. Опора уходит из-под ног…

– Медовому месяцу моя Кариночка мешает? – распаляется Элька.

– Да не она мне мешает, а я им! – выпаливаю со слезами в голосе. – Кариночка твоя к Паше моему лезет вовсю!

– Что? – вопит Эля, и я слышу в ее голосе интонации, которых никогда не знала. – Что ты несешь? Ты там совсем на своих книгах помешалась? Реальность с выдумкой попутала? Ты хоть нос свой из романчиков-то высуни!

– Да при чем тут романчики! Эля! Да ты сама посмотри! Она с ним обедает, она устроилась к нему на работу, она… – срываюсь. – Я только и слышу: “дядь Паш”, “дядь Паш”… – мой голос дрожит от сдерживаемых эмоций.

– Верка, ты дура?! – очень твердо произносит Эля. – Девочка моя без отца росла! Нормально, что она ко взрослому мужику тянется.

– Нормально? – вскрикиваю. – Нормально? А то, что он ей учебу оплачивает, это тоже нормально? Втайне от меня, между прочим!

– В смысле “учебу оплачивает”? – переспрашивает Элька удивленно. – Учебу я оплачиваю…

– То есть? – рвано вздыхаю. – Ты в курсе?

– Что ее с бюджета отчислили? В курсе, конечно! Там какого-то министерского сынка надо было пристроить, вот мою Кариночку… – Эля картинно всхлипывает. – Кто ж за сироту заступится, – переходит на причитания она. – А Павлу твоему низкий поклон, что о девочке заботится. У него, в отличие от тебя, совесть есть…

– Эля, – хриплю я в трубку. – Услышь меня, Эля, они любовники…

– Не выдумывай! – орет на меня она. – Раз тебе моя дочь поперек горла стала – так и скажи! Нечего напраслину на честных людей возводить! Боже! Я знала, что деньги портят людей, но чтобы так! Вера, Вера… Хоть мужа своего бы пожалела! – сваливает Элька в одну кучу все мыслимые и немыслимые претензии. – Ты мне больше не подруга! А дочь свою я от тебя заберу! Хорошо, хоть Павел ей помогает, добрый человек! Хоть у кого-то сочувствие есть, сироту не обижает! – она переходит на привычный ей тон причитаний. – Ты бы хоть раз в жизни подумала! Каково мне! Ее! Одной! Без мужа!..

Я уже хочу ее прервать…

Напоминать Эле, что никто не заставлял ее хранить верность покойнику-алкоголику, бессмысленно. Но мы сейчас говорим о моей семье, а не о ее! И при чем тут ее картинное вдовство!

Но шанса расставить все точки над “И” подруга мне не дает.

С очередным всхлипом она выкрикивает:

– Зажравшаяся мразь! – и бросает трубку.

Отвожу смартфон от уха, смотрю на него так, будто увидела какую-то диковинку…

Что это было?

Это, вообще, как?

Это… Это моя подруга?

Да как же… То есть… Выходит…

О боже…

Никаких подруг у меня, выходит, нет…

Есть коллеги, знакомые, издатели и читатели…

А муж и та, кого сестрой считала, попросту предали. Растоптали. Выбросили.

Чувствую себя так, будто мне навешали оплеух… Палками побили. У позорного столба. На площади.

Ну не-ет! Так быть не должно! Это их стыдить надо, а не меня! И Эля… Эля…

Тут же сама набираю номер подруги и… “Абонент не может принять вызов!”

Еще раз…

Результат тот же.

Понятно! Либо она отключила телефон, либо, и того лучше, меня в черный список бросила.

Ну что ж…

Зато ж теперь я могу ничего не стесняться! Если вы со мной так, то и я буду с вами так же!

Вы у меня еще попляшете! Вам ночь на унитазе райской сказкой покажется!

Решительно швыряю в сумочку телефон, очки, меняю домашний халат на трикотажное повседневное платье и, вступив в кроссовки, выхожу из дома.

Адвокат.

Мне к нему.

Я буду отстаивать свою честь и достоинство в правовом поле!

.

Глава 12

– Ну, прежде всего, все доходы вашего ИП мы должны квалифицировать как персональный доход, полученный за счет личного таланта и способностей, – нудно и методично перечисляет Валентин Сергеевич.

Он не смотрит на меня, он смотрит в свои бумаги. И меня это устраивает. Юриспруденция, крючкотворство, называйте, как хотите. Но профессия адвоката прежде всего – это знание тысяч законов, подзаконных актов и способов их применения. А уже потом умение нравиться клиентам и судьям…

– Нужно в рамках бракоразводного процесса добиться аудита его фирмы, – мой адвокат поправляет очки. – Ну и, естественно, надо оценить ее как можно дешевле… – некрасиво улыбается он.

– В смысле “как можно дешевле”? – щурюсь я, соображая. – Это же совместно нажитое имущество. Разве нет?

– Да, а вы на нее претендуете? – спокойно уточняет Валентин Сергеевич.

– Нет, – качаю головой. – Даже если он скрывал от меня доходы, то там… Пф-ф-ф… – закатываю глаза. – Едва ли он в плюсе… Скорее, просто на нуле… Не банкрот он только за счет моих денег.

– Смотрите, – адвокат складывает руки в замок на своем животе, глубоко вздыхает, как будто собирается долго и обстоятельно говорить. – Фирма – это совместно нажитое имущество. А доходы, полученные благодаря вашему таланту – нет. Ваш супруг подписал бумагу, по которой ваше индивидуальное предприятие вкладывало деньги в его индивидуальное предприятие на правах займа. То есть, – Валентин Сергеевич вскидывает брови, – ваши личные деньги вкладывались в ваше совместное предприятие!

– Ага! – начинаю понимать я. – То есть моего там намного больше!

– Угу! – кивает адвокат, довольный тем, что я поняла. – А так как, – он спокойно поправляет очки, – долги тоже делятся при разводе, – хмыкает он, – то половину этой суммы, – Валентин Сергеевич кивает на договора займа, – вернуть вашему ИП должны вы, а половину – ваш супруг. Вы как индивидуальный предприниматель эту половину сами себе прощаете, а вот его часть остается висеть на нем. И компенсировать он ее обязан личным имуществом. Например, – тут адвокат с торжествующей улыбкой смотрит на меня, – долей в квартире!

– О! – восклицаю я, довольная таким неожиданным результатом. – Надо же как!

– Да, – адвокат снова едва заметно улыбается, и в этой улыбке мелькает настоящий профессиональный азарт охотника, загнавшего добычу в ловушку. – Можно постараться даже вывернуть дело так, что ваш супруг вам еще и должен останется… – он поднимает подписанные Пашей бумаги, всматривается в цифры. – Все покажет аудит, – тут Валентин Сергеевич плотно сжимает губы. – Увы, не исключено, что ваш муж скрывал истинное положение дел, и у нас не получится разыграть эту комбинацию, – вздыхает он. – Но тогда, – грустно разводит руками, – по крайней мере, получите возмещение этих средств, – он кивает на бумаги о займе.

– Понятно, – киваю в сотый раз, пытаясь свыкнуться с этими мыслями. – Значит, аудит.

– Сначала заявление о разводе, а потом аудит в рамках бракоразводного процесса, – Валентин Сергеевич. – Теоретически, – он снова поднимает со стола те злополучные бумаги, которые я подписала фактически обманом, – вы можете потребовать аудит как займодатель, но, – адвокат недовольно крякает, – я бы предпочел все же провести его в рамках бракоразводного процесса. Тогда это будет под контролем судебных исполнительных органов, – он внимательно на меня смотрит. – Вам же нечего скрывать?

– Мне? – удивленно вскидываю брови. – Нет! Моя бухгалтерия прозрачна как слеза младенца!

– Ну и прекрасно! – улыбается одними губами адвокат. – Значит, подписывайте заявление…

И он подталкивает мне заранее заготовленную бумажку…

.

Бреду по городу, как в полусне…

Вся моя решительность ушла на твердый росчерк под заявлением о разводе.

Кажется, я давно все обдумала. Кажется, что уже сомневаться совершенно не в чем, но…

Я растеряна или даже потеряна…

Столько лет вместе… Даже когда мне приходилось штопать капроновые колготки, я не помышляла о разводе… Даже когда несколько месяцев подряд сидели на одних макаронах… Ну и что, что мало зарабатывает, зато ж веселый, умный, добрый, любящий…

Последнее слово ржавым ножом врезается куда-то в живот и проворачивается… Медленно, наматывая на себя все мои внутренности…

Любящий…

Он любил меня? Или любил во мне мою любовь к нему?

Оглядываюсь назад и все больше думаю о втором варианте…

Во рту становится горько, ноги подкашиваются, перед глазами все плывет… Сердце колотится, в ушах появляется то ли писк, то ли звон… Мне вдруг становится страшно.

Шумно выдыхая, чуть не падаю на первую попавшуюся лавку… Обычная скамейка, которые, как ни странно, еще сохранились на улицах…

Напротив меня пафосный магазин косметики.

Между витриной и мной бегут толпы спешащих равнодушных людей, а я вглядываюсь в зеркальное стекло…

Растрепанная, бледная, с морщинками, красными глазами и дрожащими губами… Вот так вот выглядят сильные успешные женщины…

Стискиваю зубы, жмурюсь, сглатывая слезы, и тут мне в голову приходит решение, которое мне на данный момент кажется идеальным!

Изжить свою боль! Выплеснуть! Выписать!

Я лезу в сумку, прямо тут, на улице, достаю ноутбук, раскрываю его на коленях…

“Дорогие мои… – начинаю новую главу публикующегося сейчас романа. – *Я больше не могу молчать… То, что вы каждое утро читаете – это не выдумка. Это моя реальная жизнь…”*

.

Глава 13

“Автор, обнимаю, сочувствую! Вы такая сильная! Какой же он козел!”

“Живите для себя! Никогда для мужиков! Скот! Чтобы ему пусто было! Отрезать ему его причиндалы ржавыми ножницами!”

“Вот зараза! А давайте мы с девчатами соберемся и устроим темную? Лахудре его тоже надо патлы проредить!”

Я сижу в кресле, потягиваю чай из любимой кружки. На коленях ноут…

Читаю отзывы на моей странице.

Это только кажется, что интернет, он где-то далеко и не реален. Очень даже реален, когда вас читает каждое утро несколько тысяч человек.

В личную переписку приходят сообщения куда более острые! Мне рассказывают свои личные истории, предлагают услуги адвоката, предлагают воздействовать на муженька силой. Не в шутку. Предлагают обанкротить его фирму и пустить его по миру… И еще много страшных вещей для Паши и Карины.

Женщины у нас коварны. И мстительны. А те, кто вынужден всю жизнь терпеть, потому что дети, ипотека, или “мама так сказала!”, те мстительны вдвойне. Они хотят, чтобы Пашка ответил и за мою, и за их боль…

Сжимаю губы в плотную линию, пролистываю сообщения… На некоторые отвечаю…

Обычное, традиционное, но отнюдь не формальное: *“Обнимаю, спасибо вам, что вы есть, что вы со мной”* и все в этом духе.

Я правда им благодарна.

Я себя переоценила.

После всего произошедшего в стенах этой квартиры уже аж руки трясутся.

Первый азарт прошел, адреналин, выплеснувшийся в кровь, расщепился, кортизол скакнул вниз, глюкоза вернулась на место… Все… “Бей или беги” кончилось. Теперь надо научиться с этим жить…

Внутри какая-то похожая на черную дыру пустота… Не могу испытать ни одной эмоции, словно меня, как хрупкую елочную игрушку, в вату засунули. Ничего не ранит, но ничего и не радует…

Листаю в интернете смешные картинки с каменным лицом, читаю новости из криминальной хроники с полным равнодушием…

Остановите землю, я сойду…

Зачем я здесь?

Радовать читателей?

Это смешно. Не будет меня – найдется другой. Большинство из них и моего имени-то реального не знает. Я работаю под псевдонимом и ни разу нигде в общественном пространстве паспортных данных не называла.

Сижу и пару минут думаю о том, что если я вдруг исчезну… Ну совсем исчезну, а не просто перестану писать, то, вполне возможно, мой псевдоним подхватит кто-то другой и еще и снимет сливки с имени раскрученного автора… Вот будет смехота-то… Хотя писать, как я, он же не сможет… Писать… Надо писать… Боже…

Закрываю уставшие до рези глаза, стискиваю большим и указательным пальцем переносицу…

Я не могу писать…

Это ужасное заблуждение, что легко опишет эмоции тот, кто их пережил… Нет… Описать можно, только когда смотришь со стороны… Когда ты внутри… Ты тонешь. И ничего рассказать об этом не можешь… Разве что выкрикнуть: “Помогите!”

Выдыхаю, стискиваю зубы, считаю до десяти…

Надо, Федя, надо!

У тебя обязательства.

Это твой хлеб.

Это твоя жизнь…

Еще раз делаю глубокий вдох, заношу руки над клавиатурой и…

– Вера!

Почти одновременно с громким стуком распахивается дверь, и в квартиру врывается мой муж.

Один. Ну надо же…

И не в восемь, как обычно, а в четыре часа дня… Нашел для жены время. Наконец-то…

– Вера, как ты мне это объяснишь?! – трясет он какой-то бумажкой, сжатой в руках. – Что это такое?!

– Судя по всему, бумага, – отвечаю максимально равнодушно.

Я и правда не знаю, что это…

– Бумага? – яростно вопит он. – Бумага? – он весь покраснел, изо рта брызжет слюна, волосы всклокочены. – Какого черта?! – он делает два широких шага и впечатывает этот скомканный лист в журнальный столик передо мной.

Теперь я вижу, что это.

Ему пришло уведомление. Мое заявление о разводе. Вероятно, адвокат доставил с курьером.

– Это мое заявление, – произношу я размеренно и спокойно.

– Это я вижу! – орет он, не дав договорить. – Вера, какой развод? С какого перепуга? Что происходит?

– Происходит то, что ты изменяешь мне в моем же доме с женщиной вдвое моложе себя, – отвечаю настолько спокойно, насколько способна.

– Что? – у Пашки срывается голос, и это его “что” больше похоже на какой-то мерзкий скрип. – Что ты сказала? Повтори!

– Ты изменяешь мне… – начинаю…

Но он снова обрывает меня:

– Ты в своем уме? Это опять твои романы! – в бешенстве он толкает листы на пол, будто на них не заявление, а цитаты из моих книг. – Тебе не кажется, что ты увлеклась? Потеряла связь с реальностью! Может, к психиатру, Вер?

Ах ты скотина!

К психиатру он меня решил направить!

Подонок!

Меня полоумной выставить!

– Я видела! – шиплю сквозь зубы.

– Что? – орет Пашка. – Что ты могла видеть? Я с двадцати трех лет ни с кем, кроме тебя, не спал!

– Я видела! – произношу с нажимом.

– Что ты видела? – повторяет он, но по его выражению лица понятно, что он на самом деле ответа не ждет.

– Разговаривать будем в суде, Паш… – встаю, чтобы уйти из комнаты, но…

Не тут-то было!

Пашка хватает меня за локоть, с силой дергает, тянет к себе!

– И что, все? – орет так, что я аж чувствую его яростное дыхание. – И это все? После двадцати лет брака – разговаривать будем в суде? То есть все – пустой звук? Все вот это про любовь, верность, преданность…

Любовь? Верность? Преданность?

С-с-с-скотина!

Ярость накрывает меня кровавой волной! Теряю контроль, теряю опору, вдохнуть не могу.

– А ты думал про преданность, когда в Каринку причиндалы свои пихал? – ору со всей дури ему в лицо. – Или про любовь? Или про верность?

– Что? – на его лице такое изумление, что мне становится не по себе.

Раскрыл рот, распахнул глаза… Даже локоть мой отпустил…

– Ты что несешь, она же ребенок! – кривится Пашка.

– Не такой уж и ребенок… – выплевываю я. – Делала тебе хорошо! – кривляюсь я.

– Вера, это бред! – качает головой он.

– Паш, я видела! – голос срывается, получается почти всхлип, на глаза наворачиваются слезы. – Я стояла в дверях и видела! Ты, она перед тобой на коленях и твои томные вздохи…

– Что? – кривится он. – Когда?

– Когда, когда! – взмахиваю рукой. – Тебе точный день что ли назвать?

– Да! Пожалуйста! – язвит он. – Я врачам сообщу, когда у тебя начались галлюцинации!

Ах ты…

Подонок…

Стискиваю виски…

Значит… я тогда заканчивала предыдущую книгу… Было еще главы три до эпилога… То есть… Да! Точно!

– Последняя пятница того месяца! – смотрю на него победоносно, скрещиваю руки на груди, вскидываю подбородок.

Пашка замирает…

Он несколько раз проводит ладонью по волосам, взгляд становится растерянным, будто бы что-то не сходится в его памяти. Его губы шевелятся, словно он перебирает какие-то события…

– Пятница… Это когда я с ужина с Марченко пришел? Та пятница? – спрашивает он, морщась с настоящим ужасом в глазах.

– Вероятно! – хмыкаю. – Ты мне не докладывал, с кем ужинал!

– Вера! – почти выкрикивает он, но тон его вдруг не злой…

Даже не яростный…

– Вера! – он плюхается на диван…

На то место, где я только что сидела…

– Вер, я в новых ботинках был, ноги болели ужасно, – смотрит Пашка на меня жалобно. – Она мне ступни массировала…

.

Глава 14

Я смотрю на мужа, и его слова просто звенят набатом в моей голове!

– Что? – переспрашиваю хрипло.

– Массаж ног она мне делала! – повторяет он, скривившись. – Понимаю, что звучит странно, потому и не сказал! – он жалобно вскидывает брови. – Ну… – разводит руками. – Глупость, да… Я не должен был… Но это же не измена, Вер!

Этого не может быть просто потому, что… не может быть! Я же не сошла с ума, чтобы путать реальность и сюжеты своих книг! Не сошла же?

Стоп! Было же не только это! Еще снятые проценты!

– Паш, а деньги? – произношу с едва скрываемым торжеством.

Только я радуюсь не тому, что уличила мужа в краже, а в том, что у меня есть хоть одно материальное доказательство… Есть!

– Деньги ты с наших счетов зачем снял?

– Блин, ты заметила, да?! – он вскакивает, шагает по комнате, стыдливо трет руками лицо. – Ну… Мне немного нужно было! У меня там в фирме… – Пашка становится похож на нашкодившего подростка. – Ну там же немного! – выкрикивает он.

– Больше трехсот тысяч, – произношу шепотом.

– Ну и что? – выпячивает он губу. – Я верну! Заработаю и верну! И вообще, – вдруг нападает он, – это наши общие деньги! Мы же семья! – и вдруг словно вспоминает. – Были…

Подхватывает со стола заявление, смотрит на него удрученно…

– Вер, зачем это? – спрашивает тихо и очень спокойно.

А у меня все обрывается внутри….

Так у Пашки гладко все выходит… Но я же видела! Я своими глазами видела! Да, со спины, но… Черт! Стопы у человека сильно ниже! Как и ноги в целом! Да и все остальное! Мои духи, моя помада, эти их взгляды, ресторан около корпуса Карины, в котором Паша часто обедает…

Нет…

Слишком много всего… Я больше не хочу так. Кожей чувствую ложь… Аж мерзко… Ненавижу обман!

– Я не верю тебе, Паш, – произношу глухо. – Не верю…

– Вот так, да? – он замолкает, глаза его тускнеют, а потом в них начинает нарастать что-то темное, злое. – Вот так просто одним махом: “Не верю” и все! – заводится, повышает голос.

– Да, – киваю удрученно. – Все…

– Знаешь, что я думаю по этому поводу? – Пашка вдруг резко меняет тон.

Он сейчас звучит высокомерно, его губы брезгливо искривлены, взгляд стал злой….

– Я думаю, ты просто решила вот так красиво от меня избавиться! Надоел старый муженек, да? Списала в утиль за ненадобностью! Ты у нас звездой стала! Когда я один за двоих горбатился, все было нормально! А когда ты выше меня поднялась, как будто балласт меня скидываешь! Вот и все! – словно выплевывает он последние слова. – Ты просто расчетливая, меркантильная бабенка! А я… – он вдруг словно задыхается в гневе. – А я отожму у тебя все, что смогу! Не потому, что мне это надо, а чтоб ты поняла, каково это, когда нож в спину самые близкие! – шипит он яростно. – Ты у меня еще попляшешь!

И Пашка вылетает прочь из гостиной, так словно за ним гонится стадо разъяренных быков!

Я даже ответить ничего не успеваю, только слышу хлопок входной двери и все! Стою, растерянно хлопаю ресницами… Это я расчетливая и меркантильная?! Боже, если бы это не было так грустно, то было бы смешно…

Медленно оседаю все на тот же диван, обхватываю голову руками и…

Сам собой откуда-то из моего нутра вырывается вой… Не плачь, не стон, не крик… Именно вой… Глубокий, утробный… Так плачет самка по убитому детенышу, так скулит измученное капканом животное, такой звук издает тот, кто только что потерял часть себя…

Слез нет, но начинает жутко болеть голова, затем и желудок… Боль под ребрами переходит в нестерпимое жжение и тошноту…

Морщусь, иду за таблетками и… в постель…

Падаю как подкошенная и просто проваливаюсь в темноту ночи…

Это надо пережить. Надо дожить до рассвета…

Но утром следующего дня в моей жизни начинается самый настоящий ад…

Я, как обычно, включаю кофемашину, делаю тосты и тут же открываю ноутбук…

И…

Забываю про все, что меня окружает!

Моя страница взломана?

Нет!

Это не взлом… Это что-то другое… Атака…

“Боже, до чего же мерзко написано, такого дерьма давно не встречала!”

“Автор что, правда считает себя писателем? Это бездарный бред”.

“Отберите у нее клавиатуру! Ее замкнуло!”

Это отзывы. Под моими книгами. Самые добрые из них…

Ничего, что можно было бы счесть прямым оскорблением и удалить согласно правилам площадки. Но негатива просто тонны!

“Таких идиоток автор пишет, что читать противно!”

“Как можно вообще читать эту безграмотную галиматью?”

Их сотни! Без преувеличения! Подо всеми моими книгами! И все написаны сегодня в ночи.

Делаю скрины, обращаюсь в техподдержку, но…

Продажи замерли…

Этот поток нечистот сделал свое дело…

Дрожащими руками беру чашку с кофе, отпиваю огненного напитка, забыв про молоко, обжигаюсь…

И тут же пищит уведомление!

Сообщение в чате с коллегой:

“Вера! Ты видела это?!”

А ниже скрин… Статья из какого-то телеграмм-канала. Сплетни, тайны, расследования…

“Циничная писательница ради пиара выгнала на улицу сироту!”

Что?

Желудок скручивается узлом, я едва удерживаю те несчастные два глотка кофе внутри…

Перехожу по ссылке…

“Писака решила нажиться на разводе!”

Комментарий к статье…

И тут же интервью Павла…

“Моя жена хочет забрать мой бизнес…”

Иллюстрацией – его портрет… Лицо красивое, породистое, взгляд страдающий…

Подпись внизу:

“Я бы и так ей все отдал, просто чтобы понять, за что…”

Руки начинают дрожать, я роняю телефон, сама себя хватаю за запястье!

Что это?

Что происходит?

Это, вообще, как?

Кто это все устроил? Паша? Слишком умно для него…

Делаю круг по кухне, чувствую, как стучат зубы…

Снова открываю страницу со своими книгами…

Ой, мамочки!

Поверх всех обложек висит крикливый баннер с порно-сценой!

И подпись:

“Грязная мерзость от низкопробной авторши!”

Какой кошмар!

Тут же приходит сообщение от техподдержки…

Моя страница скрыта от пользователей для дальнейших разбирательств…

У меня все обрывается внутри…

Как?

Надолго?

Что мне делать?

Я же…

Я все потеряю…

Всех читателей, все, что выстраивала годами!

Тут же приходит сообщение от коллег.

“Вера, прости, мы не можем взять тебя в серию…”

И меня удаляют из чата по совместной работе…

Вот так… Просто и быстро. Без объяснений, без вопросов, без доказательств… Им не нужно пятно на репутации, там серия романов от десяти крупных авторов.

Подруги начинают отказываться от совместной работы или просто не отвечают…

Интернет…

Все распространяется молниеносно!

Не помня себя от ужаса, вбиваю в поисковике свое имя…

Мамочки…

“Бездарь года: кто пишет за Верочку ее романчики?”

“Писательница-дилетантка опозорилась на всю страну!”

“Крупный автор женских романов оказалась мелочной стервой!”

Это все обо мне и моих книгах…

И…

Кошмар…

Я натыкаюсь еще на одно интервью… Эля…

В этот раз видео!

Как же быстро! Как быстро они все это сделали!!!

Моя подруга с привычным ей трагичным видом сидит в темном кресле, стискивая руки в замок…

“Мы дружили… Но я обычная вдова, а она… – Эля надменно кривит губы. – *Она всегда была расчетливой. Я думаю, у нее книжонки ее перестали продаваться, вот она и решила подлить огня… Ну чтобы хоть из жалости купили… Бедная писательница, муж с молодушкой изменил,* –тут Эля очень натурально всхлипывает.– *Покалечила моей девочке жизнь!”*

Горло перехватывает, я не могу вздохнуть… Внутри все скручивается узлом. Не выдерживаю… Еле добегаю до раковины, меня попросту выворачивает наизнанку!

Вчерашняя боль в желудке отдается неприятным электрическим током где-то за ребрами…

Как?

И…

Самое главное… Что теперь делать?

Меня начинает колотить крупная дрожь. Опускаюсь на пол у кухонных шкафчиков, обхватываю руками колени, пытаясь унять эту пульсирующую боль внутри, но понимаю – мир рухнул.

И вот в этот момент у меня звонит телефон…

Смотрю на дисплей.

Мой адвокат.

– Валентин Сергеевич! – почти выкрикиваю в трубку, чувствуя, как голос срывается на хрип. – Валентин Сергеевич! Тут такое происходит!

– Д-да… – отзывается он неуверенно, даже замялся на секунду. – Я видел…

Меня окатывает волна ледяного пота. Я вдруг ясно понимаю, почему он звонит. Сердце пропускает удар, грудь сдавливает.

– Валентин Сергеевич, умоляю вас, только не бросайте меня сейчас! – почти кричу я, и мой голос срывается на всхлип. – Это травля! Понимаете? Самая настоящая травля! Он мне изменил! Он! Не я! Он! Мне! Изменил!

– Конечно, конечно, – произносит адвокат примирительно, но голос его звучит так, будто он успокаивает истеричного ребенка. – Просто, Вера, вы же понимаете… ситуация выглядит… неоднозначно, – осторожно подбирает слова он. – Если все именно так, как вы говорите, то мы, конечно, его… э-э, размажем за клевету, – он неловко усмехается, словно сказал нечто абсолютно нелепое.

От этого усмешки у меня внутри все переворачивается.

– Валентин Сергеевич, вы что, не верите мне? – произношу тихо, с ужасом осознавая, как жалко звучит мой голос.

Он тяжело вздыхает, пауза кажется бесконечной:

– Ну почему же не верю… – наконец произносит он слишком аккуратно, чтобы звучать искренне. – Просто я должен понимать, на что мы можем опереться в суде, – снова откашливается. – Вы же… – голос его звучит подчеркнуто деловито. – Подготовили какие-то доказательства измены?

И я замолкаю.

Руки начинают мелко дрожать, губы пересыхают, сердце гулко стучит в висках, заставляя меня хватать воздух ртом.

– Вера? – адвокат настойчиво повторяет, и в его голосе уже отчетливо слышится сомнение. – У вас же есть… – особенно подчеркнуто звучит это слово. – Доказательства?

.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.